

ПРОЛОГ

Дрожа, я взяла протянутый Маркусом пистолет. Я знала все тонкости: как заряжать, как стрелять, точное название каждой детали... но никогда так хорошо его не понимала, как в те минуты.

И все потому, что Себастьян не должен был здесь находиться.

Маркус обвел нас вокруг пальца, и теперь... Теперь все вот-вот полетит к чертям.

Я сказала Себастьяну, что готова умереть, лишь бы добиться нашей цели. Что я не против умереть за правое дело. Но сейчас, держа в руке оружие... Удивительно, но я сильнее боялась не за себя, а за того, кто стоит передо мной.

— Ну что, сыграем? — сказал Маркус, по-мальчишески улыбаясь, отчего у меня пошли мурашки по телу.

Я отвела взгляд от оружия и посмотрела Себастьяну в глаза.

Мне до сего момента было сложно понять, как ему удалось сюда попасть, хотя раны на его лице и животе ясно показывали, что он прошел через адское пламя, чтобы меня найти.

И почему я удивлена? Он же говорил, что, если ситуация выйдет из-под контроля, придет и вытащит меня.

Так он и сделал.

— Кто начнет? — спросил Маркус, забирая револьвер из моих пальцев, положил его в центре стола

и резко крутанул. А когда револьвер перестал вертеться, Маркус ухмыльнулся от уха до уха. — Дамы вперед?

Я покачала головой.

— Пожалуйста... — взмолилась я дрожащим голосом.

— Давай, сделай это, иначе выстрелю я, причем не в голову, нет, я начну с ноги. Потом прострелю другую, затем ребра и еще что мне взбредет в голову, пока не начнешь вопить, чтобы убил его побыстрее.

Сдерживая слезы, я взяла револьвер со стола и подняла его трясушимися руками.

— На счет «три»... Да?

Наши взгляды встретились... Мой был полон ужаса, а его спокоен, как океан в летний день.

— Раз... — произнес этот сукин сын.

Себастьян ободряюще кивнул мне.

— Два...

— Не могу... — всхлипнула я, опуская револьвер.

Но Маркус с силой поднял мою руку обратно. Сжал мои пальцы и заставил прицелиться в человека, которого я любила.

— Давай, слоник.

Я энергично покачала головой, и Маркус до боли крепко прижал мои пальцы к револьверу.

— Три!

От грохота выстрела я закрыла глаза и закричала.

1

МАРФИЛЬ

Вам когда-нибудь снились кошмары, когда в глубине души осознаешь, что происходящее — всего лишь сон, все не по-настоящему?

Вот именно так я себя и чувствовала. Я ждала, пока самолет, которому предстояло доставить меня прямо в ад, наконец приземлится, а мозг всеми силами пытался привести меня в чувство, но разум не спешил просыпаться.

Я с силой ущипнула себя, уставилась на красную отметину, оставшуюся на белом плече, и на глазах появились слезы. Но что толку? Эти слезы лишь могли наполнить водой колодец, в котором я оказалась.

Если бы еще три месяца назад кто-нибудь сказал, что мой отец наркоторговец, я рассмеялась бы ему в лицо. Если бы три месяца назад кто-нибудь сказал, что меня попытаются убить, и не один, а целых три раза, я посчитала бы его сумасшедшим. Но если бы три месяца назад кто-нибудь сказал, что я влюблюсь... Я бы внимательно его выслушала. Я всегда мечтала о любви, ждала ее долгие годы, но никогда не думала, что полюблю преступника.

Себастьян смотрел мне вслед, пока я поднималась по трапу в частный самолет Маркуса Козела. В глубине души я еще надеялась, что Себастьян со всем разберется и вытащит меня из этой ловушки, усадит в машину

и увезет далеко-далеко от всего этого безумия. Но он этого не сделал.

Я позволила себе взглянуть на него в последний раз, прежде чем войти в самолет.

Он смотрел на меня как всегда, будто ничего не происходит. Как можно быть таким бесчувственным? Как он мог отдать меня в руки злейшего врага и продолжать жить как ни в чем не бывало?

Я не хотела больше об этом думать.

Себастьян Мур, как и все остальные мужчины моей семьи, для меня умер.

Кроме членов экипажа, в самолете было двое мужчин в костюмах — мои телохранители. Никто из них не потрудился ничего мне объяснить, тем более относительно распоряжений Маркуса, а я, как всегда, не слишком настаивала.

Когда мы приземлились, нас уже ждали два черных внедорожника. Самолет опоздал на пять часов, и, едва мы спустились по трапу, я поняла, что последствия случившегося два дня назад окажутся гораздо более серьезными, чем мне казалось. Охранник, ожидавший у подножия трапа, подошел ко мне и представился начальником службы безопасности Маркуса Козела.

— Добро пожаловать в Майами, мисс Кортес, — произнес он, снимая темные очки и протягивая руку.

Я пожалала ее без особого энтузиазма и огляделась; от жары на лбу у меня выступил пот.

— Мистер Козел не вернется до вечера, а потому попросил доставить вас к нему домой.

При этих словах кровь вскипела у меня в жилах. Он что — мой хозяин, чтобы решать, куда и когда меня везти, да еще и без моего согласия?

Я ничего не сказала, лишь молча устроилась на заднем сиденье внедорожника и принялась обдумывать

план побега. Мне было страшно, я не хотела видеть Маркуса, и от одной мысли о том, что предстоит остаться с ним наедине, меня бросало в дрожь.

Я должна быть сильной. Отец не оставит меня, он придет за мной и заберет домой, а там уж мы разберемся с мерзавцами, которые пытались меня убить, ведь правда?

Хотя при мысли о том, чтобы вернуться домой с человеком, который лгал мне с самого моего рождения, с человеком, который наверняка виновен в смерти мамы... От одной этой мысли внутри все переворачивалось.

«Дыши глубже, Марфиль...» — подумала я.

Дорога до порта заняла двадцать пять минут. В порту мы сели на маленький элегантный катер и спустя еще двадцать минут добрались до Фишер-Айленда.

Я никогда не была в Майами. Лето обычно проводила дома или ездила на несколько дней в Хэмптонс с друзьями, но теперь вынуждена признать, что Майами — чудесное место. Небо здесь было безупречно синее, без единого облачка, и ничто не мешало наслаждаться летним солнцем. Повсюду росли пальмы, и везде, на сколько хватало глаз, сновали роскошные автомобили.

Богатство никогда меня не привлекало, но, когда мы прибыли на остров, я не смогла сдержать восхищения перед местом, где стоял особняк моего злейшего врага.

В машину садиться не пришлось. Катер доставил нас напрямик в личный порт Маркуса, предмет его гордости. Прямо напротив особняка покачивались на волнах впечатляющего вида катамаран, яхта, две маленькие моторные лодки и три водных мотоцикла.

Стало ясно, что скучать не придется.

Человек лет сорока в белом костюме подошел к катеру и протянул мне руку, чтобы помочь сойти на берег. Он представился Лайонелом, дворецким.

Дворецкий?

Неужели это слово еще в ходу?

Белый особняк с оранжевой крышей выглядел впечатляюще. Он был настолько огромным, что я не могла понять, зачем нужен такой большой дом, если живешь в нем один... Или я просто чего-то не знаю, и в доме полно женщин и детей? Я не удивилась бы, обнаружив целый гарем, скрывающийся в недрах особняка. Честно говоря, от такого гнусного человека я как раз и ожидала чего-нибудь в этом роде.

Ухоженный сад спускался почти к самому берегу моря. Казалось, что особняк стоит на частном острове.

Из маленького порта был виден гигантский квадратный бассейн под внушительным портиком с высоченными колоннами.

Никаких сомнений, что это дом наркоторговца.

Несмотря на всю эту красоту, я не хотела останавливаться на деталях.

Меня они не интересовали: я хотела поскорее уехать отсюда.

— Мисс Кортес, — произнес дворецкий, — Нейти, кухарка, приготовила для вас обед, а если желаете отдохнуть, комната уже готова.

— Я не хочу есть, — сухо ответила я. Мы вошли в дом через заднюю дверь, к которой мы подошли через сад.

Внутри все сияло: паркетные полы, белые стены, серая мебель — все как из каталога...

— Желаете осмотреть дом, мисс? — спросил Лайонел.

— Я устала, — ответила я. — В другой раз.

Не знаю, почему я обращалась с ним так холодно, но мне не хотелось говорить ни с кем, кто имел хоть какое-то отношение к Маркусу.

Лайонел проводил меня в комнату на втором этаже; мы поднялись по лестнице с балюстрадой ручной работы, прошли по коридорам, оставив позади несколько дверей, и Лайонел наконец открыл дверь в мою комнату.

Из окон открывался потрясающий вид на океан и сад. Я увидела катер, доставивший нас сюда, и охранников, стоявших по периметру резиденции.

Несомненно, они были не только моими телохранителями, но и сторожами, не спускавшими с меня глаз.

Я невольно вздрогнула, почувствовав, что меня загнали в угол.

— Чувствуйте себя как дома, — спокойно произнес Лайонел. — Если что-то понадобится, можете позвонить по внутреннему телефону.

Он указал на телефонный аппарат рядом с огромной кроватью под балдахином.

Я молча кивнула, после чего меня оставили в одиночестве.

Первым делом я достала свой телефон и отыскала в нем номер Лайама. Мне надо было узнать, что с Тами. Узнать, как прошла операция, после того как в нее выстрелили по моей вине...

Прежде чем позвонить, я несколько секунд колебалась.

Что ему сказать?

Я села на кровать, разглядывая небесно-голубого цвета пол.

Как рассказать лучшему другу, что мой отец — преступник, что пуля, ранившая Тами, предназначалась мне и рядом со мной им угрожает страшная опасность?

Я отложила телефон и огляделась.

Как бы здесь ни было красиво, я чувствовала себя в заточении. Спасения не было... Не было никакой возможности сбежать из этого дома и даже позвать на помощь. Никакой.

Придется остаться здесь, пока не будет принято какое-то решение, пока Маркус с отцом не устранят нависшую надо мной угрозу... А за это время надо позаботиться о себе самой...

Ведь я не сомневалась — то, что сделал со мной Маркус, было просто детской забавой по сравнению с тем, что он мог сделать. Мысли неизбежно возвращались к Себастьяну; я вспомнила, как он целовал и ласкал меня вчера вечером, как мы уже почти занялись любовью... Я вспомнила, как он внезапно остановился, как рассказал о своем прошлом, о мрачных тайнах... А затем против моей воли отвез меня в аэропорт, чтобы передать в руки Маркуса.

Мне было очень грустно, но это не было обычной грустью. Подобного чувства я никогда прежде не испытывала. У меня возникло ощущение, словно я могу потерять все самое дорогое; как будто меня поместили в тело другого человека и я живу чужой жизнью так не похожей на мою. Я всмотрелась в большое зеркало, висевшее на стене, и не узнала себя. А хуже всего то, что я в чужом доме и рядом нет ни родных, ни друзей... Только он.

Было странно не видеть его рядом, не слышать, что он может со мной сделать. Страшно думать, что Себастьян превратился вот в такое... в моем собственном доме.

Я думала, он любит меня. А теперь оказалась в этом адском особняке.

Внезапно что-то словно взорвалось внутри, и, вне себя от ярости, не понимая, что делаю, я схватила

телефон и со всей силы запустила в огромное зеркало, висевшее напротив.

Оно разлетелось вдребезги, и осколки посыпались на паркет, многократно отражая мое лицо — совершенно разбитое... разрушенное, как моя жизнь.

Почему ты так поступил со мной, Себастьян?

Я свернулась калачиком на кровати и решительно вытерла слезы.

Должно быть, я уснула, потому что, когда открыла глаза, за окном уже почти стемнело. Я приподнялась, чувствуя, как от неудобной позы затекло все тело, и стала искать выключатель.

Со мной чуть не случился сердечный приступ, когда я увидела сидящего на диванчике Маркуса, залитого предвечерним светом; он спокойно смотрел на меня, опершись локтями о колени и уткнувшись подбородком в кулаки.

— Не хотел тебя напугать, — сказал он, не шевелясь.

Я схватилась за сердце, колотящееся не столько от изумления, сколько от страха.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я.

Он откинулся на спинку диванчика и улыбнулся.

— Ты очень красивая, когда спишь...

Прозвучало так мерзко, что меня едва не стошнило.

— Выйди из моей комнаты, — потребовала я.

Маркус поднялся с дивана и подошел ко мне, по-прежнему улыбаясь.

— Я понимаю, ты очень устала... и происшествия последних часов не на шутку тебя перепугали. Но ты не должна так говорить со мной в моем доме. Согласна, принцесса?

Когда он коснулся моей щеки, я попыталась отвернуться, но он взял меня за подбородок и заставил посмотреть на него.

— Хотя ты мне и не веришь, но ты здесь потому, что много для меня значишь, — добавил он, снова и снова поглаживая меня по щеке. Мне хотелось залепить ему пощечину, но что-то подсказывало, что лучше сохранять спокойствие. — Пока ты здесь, ничего плохого с тобой не случится, обещаю.

Я промолчала, а он снова улыбнулся и отошел.

Повернулся к разбитому зеркалу; пол был по-прежнему усеян осколками.

— Я велю убрать последствия этой катастрофы, завтра утром тебе принесут новое зеркало, — спокойно заявил он, словно во всех этих разрушениях не было ничего особенного.

— Не надо..

Он тут же перебил:

— Через полчаса жду тебя к ужину, — нарочито весело сказал он. — Надень что-нибудь красивое. Ужин — особое событие. Отвратительно, что люди перестали соблюдать элементарные правила этикета.

— Я не голодна, — серьезно ответила я.

— Тебе нужно поесть, Марфиль, — сказал он, направляясь к двери. — Не заставляй меня просить дважды, — добавил он, останавливаясь у выхода.

С этими словами он вышел, закрыв за собой дверь, а я тут же бросилась к ней, чтобы запереть. Но у двери не было ни замка, ни задвижки — ничего.

Кто угодно мог войти в комнату в любую минуту, и при этой мысли я похолодела от страха.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Придется как-то уживаться с Маркусом, в этом не было ничего нового, но стоило представить, как меня касаются его руки, как он гладит мои пальцы. И его угрозы...

«Делай все, что он говорит...»

Голос Себастьяна материализовался у меня в голове, как будто он рядом, и что-то у меня внутри помогло немного успокоиться.

«Шаг за шагом, Марфиль. Он лишь хочет, чтобы ты с ним поужинала».

Я приняла душ и высушила волосы феном, который обнаружился в ванной комнате. Мысли неизбежно возвращались к Тами, лежащей на полу в луже крови. Мне не удавалось выбросить ее из головы. Я огляделась, собираясь все же позвонить Лайаму, чтобы справиться о ее здоровье, а также попросить его позаботиться о моем псе Рико, пока я не вернусь, но тут же увидела, что телефон разбит. Он валялся в дальнем углу комнаты, покореженный и с безнадежно разбитым экраном.

— Черт! — только и смогла сказать я.

Сама уничтожила единственное, что еще связывало меня с теми, кого я любила.

Я тихонько чертыхнулась и заглянула в гардеробную, находящуюся рядом с ванной комнатой.

В шкафу было достаточно одежды, но я понятия не имела, кто распорядился все это купить, да и не хотела об этом задумываться. Пошарила на вешалке среди платьев и юбок, но не нашла никаких брюк, даже джинсов...

Это что, шутка?

Выругавшись про себя, я схватила платье — самое простое из тех, что там были, и надела его.

Я поискала какую-нибудь обувь, но нашла лишь туфли на шпильках и сандалии на высокой платформе.

«Этот тип — полный придурок», — подумала я.

Убедившись, что здесь нет моих вещей, как нет ничего, что могло бы мне понравиться или подойти, я решила спуститься вниз босиком.

Это что же, я с самого начала бросаю ему вызов?